

ОЛЕГ ПАВЛОВИЧ НЕГРОБОВ: «НАС ЖДУТ НЕ МЕНЕЕ СЕМИ МИЛЛИОНОВ ОТКРЫТИЙ»

20 марта любители подстраховаться отмечают День астрологии. В этот день корреспондент «Воронежского курьера» Елена Рузанова (знак зодиака – Лев, рожденный в год Петуха) отправилась к профессору ВГУ, заведующему кафедрой экологии и систематики беспозвоночных животных Олегу Негробову (знак зодиака – Скорпион, год Змеи).

– Олег Павлович, у меня есть задание редакции, но неловко спрашивать...

– Ничего-ничего. Не бойтесь. Если смогу...

– Как Вы относитесь к астрологии?

– Я в нее не очень верю. Есть что-то. То есть теоретически может быть, что именно в это время космические лучи как-то действуют, они нас постоянно пронизывают, сам космос пульсирует. И сама бесконечность, и Вселенная, безусловно, не изучены. Космос, может, как-то реагирует. Но, по-моему, астрологи... шарлатаны.

– Будем считать, что вопрос я задала. Но больше мне интересно, что нового в коллекции Вашей кафедры – «Коллекционном фонде беспозвоночных животных Черноземья». Последний раз мы лет семь назад писали об открытии Вами нового вида долихоподид, названного в честь Веневитиново.

– Коллекционный фонд пополняется ежегодно. И студенты привозят материал с различных практик в заповедниках России, и сами ученые собирают. В январе я получил на обработку большую партию – две коробки – насекомых из Японии, экземпляры из Англии, Болгарии и Бельгии. Материал поступает и из Зоологического института Академии наук, что в Санкт-Петербурге, и из Зоологического музея Московского университета. У меня есть ученик, доктор биологических наук, заведующий лабораторией Института систематики и экологии животных СО РАН Анатолий Баркалов, который работает в Ново-

сибирске: он два года ездил на Алтай и привез мне собранный материал. Он же доставил насекомых с Таймыра, а в этом году – с Чукотки. Еще один мой ученик, тоже уже доктор наук Игорь Гричанов, заведующий лабораторией в Институте защиты растений в Санкт-Петербурге, привез материал из Крыма, Израиля, а недавно – из Ирана, по нашей совместной научной работе.

– Крым, Иран, Израиль? Но ведь это коллекция беспозвоночных животных Черноземья.

– Коллекционный фонд – это место хранения. Когда описывается новый вид, выделенный тип отправляется на хранение в крупные музеи, например в Питер или Москву. В некоторых случаях – в Берлин или Лондон. А дублирующие экземпляры – паратипы – поступают в наш фонд. Чем больше новых паратипов в коллекции, тем выше ее ценность.

– И какова ценность этой коллекции ВГУ?

– Общий фонд хранения – около 500 тыс. экземпляров. Полмиллиона. Не подсчитывал, но, думаю, в коллекции не менее 400 типовых экземпляров. Потому что я сам описал около 470 видов – и большинство их паратипов у нас имеется. Часть паратипов обменял с Берлином. Часть – тоже по обмену – прислали из Бельгии. А еще из Германии, Австралии, США, Чехии, Польши, Финляндии, Японии, Китая, Венгрии, Монголии. И других стран. Получается, что у нас центр по изучению одной из групп насекомых. Потому что насекомых вообще 1,5 млн видов, из них двукрылых – 120–150 тыс. видов. А группа,

которой я занимаюсь, являясь экспертом, насчитывает в мире 7 тыс. видов. Это такие двукрылые зеленого цвета, семейство зеленушек, долихоподиды, объекты, которые могут быть использованы для биологического метода борьбы. Некоторые долихоподиды живут на стволах деревьев, и их личинки съедают личинок короедов. Некоторые живут около воды и уничтожают комаров, яйца слепней, мокрецов. То есть кровососов комплекса гнуса – мошек, которые кусают человека и переносят различные природоочаговые заболевания. Поэтому долихоподиды имеют большое практическое значение как для стабильности природных экосистем, так и для использования человеком.

– **И Вы всем этим занимаетесь?**

– Не только я. У нас работает профессор Виктор Голуб, который является мировым специалистом по группе кружевницы – это клопки такие симпатичные. Доцент Вадим Логвиновский занимается жуками-точильщиками. Еще работает ряд специалистов и шесть аспирантов.

За последние годы наша коллекция беспозвоночных животных увеличилась на 200 видов, на 30–40 тыс. единиц хранения. Но мы не только этим занимались. Мы еще писали Красную книгу Воронежской области. Описывали краснокнижные виды, результаты изданы на двух дисках: ботаника и зоология. Книга была сделана давно и требовала пересмотра. Областной департамент природных ресурсов и экологии почему-то не хочет заниматься постоянным мониторингом краснокнижных видов. Три начальника департамента сменились за последние годы – и никто не обратил внимания на проблему: краснокнижные виды исчезают, требуют охраны, изучения в природе. Это очень серьезная

проблема. По мере возможности мы смотрим за видами из Красной книги, но они требуют специального изучения. Так же как и биологическое разнообразие памятников природы. Их паспорта составлены давно, и последние 30–40 лет они не изучались. В Воронежской области более 180 особо охраняемых территорий: два заповедника, заказники, малые территории. Но отдельной программы по стратегии биологического разнообразия области нет. А то был какой-нибудь тюльпан Шренка – и вдруг исчез.

Паспорта на особо охраняемые территории были составлены более 25–35 лет назад, и их список нами опубликован под моей редакцией в 2001 году по грубым схемам. Получилось так: пришел ученый – и выделили особо охраняемую территорию, а потом пришел любитель – ах, какое место хорошее! – и ему там же дали участок. Запущенность полная. Нет, все-таки надо, видимо, добиться специальной программы по биоразнообразию Воронежской области от департамента природных ресурсов и экологии.

– **Может быть, денег нет на программы? Кризис же.**

– Каждый год на охрану природы выделяют определенные суммы – в этом году в Воронеже, по-моему, около 10 млн рублей. Значит, в области – еще больше. К сожалению, быть ли программе, зависит не от наличия денег, а от воли чиновников.

Существовал у нас такой проект – школьники год изучали особо охраняемые территории Битюга. Проект московский, грант британский, а мы в нем участвовали. Смысл в том, чтобы закрепить охраняемую территорию за школами, чтобы ученики ее изучали, выполняли маленькие научные работы и выступали у нас в университете в научном обществе учащихся с докладами. Получалось, что охраняемые территории становились площадками для изучения. И сейчас можно так же закрепить участки за школами, техникумами, вузами.

– **На этих особо охраняемых территориях могут быть виды, еще неизвестные науке?**

– Обязательно. Ведь почему они особо охраняемые? Потому что в них сохраняется биологическое разнообразие – для разных целей. Сохраняется генофонд животных и растений. База. Стабильность экосистемы. Ее разнообразие. Это важнейшая задача.

– **Подумаешь – ну, одна мошка исчезнет, так другая появится.**

– Все виды взаимосвязаны. Пищевая и поведенческая связь, размещение экологических ниш, динамика численности и так далее. Если будет нарушение в экосистеме, то и все разрушится. Достаточно выбить одно звено, и произойдет деградация экосистемы.

– А у «Коллекционного фонда беспозвоночных животных Черноземья» тоже ведь должны быть особые условия хранения – по температуре, влажности воздуха?

– Нет. Ничего такого не требуется. Коллекция, помимо шкафа в кабинете, где мы находимся, занимает еще отдельную комнату.

– Эта коллекция – извините, что так ставлю вопрос – богатство университета?

– Конечно. Ничего подобного нет в других вузах Черноземья. Ближайшие крупные коллекции – в Зоологическом музее МГУ, в Зоологическом институте Санкт-Петербурга. А дальше – только в Новосибирске и Владивостоке.

Профессор Негробов встал и открыл шкаф. Вытащил ящик. Под стеклом на специальных энтомологических булавках и мелких минуциях – насекомые различных размеров, от 1 мм до 10–15 см.

– Красная этикетка – значит типовой экземпляр, то есть по этим экземплярам описан новый для науки вид, – сказал Олег Павлович. – Из Воронежской области описано около десяти новых видов. Но не за последние годы. Здесь только семь лет назад был найден один новый вид рода *Argyria*. Я сейчас работаю по Алтаю, Монголии, Сибири, Кавказу и Японии.

– Когда вижу такие собрания, вспоминаю Библию: Господь создал все живое и всему дал названия. Потом пришел человек – и назвал все по-своему.

– Вряд ли мы что-то сильно поменяли. (Смеется.) Полагаю, не менее 5–7 млн растений и животных еще только предстоит открыть. Южная Европа – Италия, Испания – одна пятая территории еще не изучены. Не говоря уже о грибах, ракообразных, микроорганизмах, вирусах, наименее изученных морских обитателях и так далее.

– Получается, чтобы открывать новые виды, нужны только деньги на экспедиции? Езжай на юг Европы да изучай.

– Нет, нужны профессионалы. Чтобы стать специалистом, мне потребовалось после окончания биолого-почвенного факультета ВГУ три года учиться в аспирантуре в Ленинграде, стажироваться в Берлинском университете, еще два года – в докторантуре.

– Обязательно надо учиться за границей?

– Нет, не обязательно. Но первые монографии по долихопадам написаны немцем Беккером в 1917 году. И мне нужно было изучить типовые экземпляры, описанные Беккером до революции. Когда описываешь новый вид, требуется знать мировую литературу – от Линнея, XVIII век, до сегодняшнего дня – и видеть эти экземпляры. Так как с описаниями было плохо, я собирал всю литературу – в

Эберсвальде, в музее энтомологии под Берлином, в Дрездене. Переснимал страницы книг на пленку – получились такие микрофильмы. То, чего не было в России, я отснял в Германии. Все оттиски литературы по долихопадам, что выходит в мире, мне присылают. Раньше получал информацию в бумажном варианте, сейчас – в электронном.

– Вы знаете немецкий?

– На немецком языке написал две монографии в Штутгарте. На английском – монографию, изданную в Венгрии. Английский хорошо знаю на уровне спецлитературы – учил в аспирантуре, где требовался второй язык. Каждый год у меня выходит несколько больших научных статей на английском языке совместно с учеными из Англии, Болгарии, Японии, Китая и моими учениками из институтов РАН. Французский учил тоже – и на нем у меня есть работа «Фауна Франции», это моя настольная книга. Вообще научный язык – это несколько проще. Хотя если писать в серьезный международный англоязычный журнал, то приходится обращаться к помощи переводчиков или к коллегам из-за границы. У меня более 300 электронных адресов ученых из разных стран, с которыми я постоянно общаюсь.

Беседуя, мы незаметно дошли до коллекционной комнаты, из распахнувшейся двери пахло вековой стариной.

Все шкафы – коллекционные, специализированные для энтомологических фондов. Их я привез из Ленинграда. Когда после аспирантуры в Зоологическом институте РАН уезжал из Ленинграда, эти шкафы списывали. А мне удалось их заполучить и перевезти – Зоологический институт РАН подарил Воронежскому университету.

– Интересно, как перевозили. Не в плацкартном же вагоне поезда.

– Контейнерами. У меня была бригада помощников: югослав и поляк. Загрузили в контейнеры. (Олег Павлович вытащил ящик с дымчатыми бабочками.) Это совки. Видите на крыльях восклицательный знак? Они так и называются: восклицательная совка. А рядом – видите? – написано «гамма». Это совка гамма, вредитель сельского хозяйства.

– Знак? Не вижу.

– На крыльшках белая точка. Похоже на восклицательный знак. Вот перевезли мы ящики из Ленинграда и стали создавать коллекцию. До этого были небольшие сборы у моего учителя профессора Константина Васильевича Скуфьи, но случился пожар, и все пропало. С 1968 года стал собирать новый фонд. (Негробов достал еще один ящик с пятнистыми бабочками, их окрас похож на тигровую шкуру.) Это семейство шашечниц, они есть в Красной книге.

– **Никогда не считали: если разложить коллекцию по ящикам на полу, какую площадь она займет?**

– Очень трудный вопрос, никогда не считал. Старинные шкафы, натуральная доска. Один шкаф из красного дерева, как мне сказали, из собрания императорской семьи Романовых, которые увлекались созданием коллекции насекомых. Кроме того, каждый год заказываем новые ящики, по 100–150 штук. (Профессор извлек другой ящик с большими бабочками.) Это махаон, тоже из Красной книги. Ниже – тропики. Вот махаон Мака с Дальнего Востока, я отловил, когда там работал. У меня были и еще экспедиции: пять лет – на горном Кавказе, Кольский полуостров, три месяца – Баргузинский заповедник на Байкале, два года – на Камчатке, два – в Хабаровском крае и Приморье. А еще Средняя Азия, Урал, Саяны, Закарпатье, Закавказье. Когда учился – это одно. Но сколько я сам еще ездил, а сколько – мои студенты!

– **Закарпатье, говорите? А за майданом и событиями в Украине следите?**

– Конечно. Страшное дело. Ребят жалко. (И он снова углубился в коллекцию.)

– **В случае пожара это богатство надо спасти в первую очередь!**

– Надо бы понемногу расширяться. Каждый музей старается что-то собрать. Например, в краеведческом музее – коллекция бабочек моего ученика Кости Водянова. И Дима Дубровский – мой ученик. Также кандидат наук, мотается по миру, у него семь экспедиций только по Памиру.

– **В этой коллекции есть экземпляры родов и видов насекомых, названных в Вашу честь? Я на сайте ВГУ вычитала, что Вашим именем назвали два новых для науки рода и десять видов.**

– Это ученые из разных стран в честь меня – в знак признания заслуг – называют вид долихоподид. Например, американский ученый, работающий в Австралии доктор Биккель, назвал моей фамилией новый род. Я тоже иногда называю. Например, недавно новый вид долихоподид – в честь бельгийца Патрика Гротаерта: «долихопус гротаерти». Паратипы есть или в Брюсселе, или в Лондоне, или в Австралии. Мне тоже присылали, и если мы сейчас поищем, то, может быть, и найдем его.

– **Видела на сайтах, что у Вас много премий по экологии, в том числе от мэра Воронежа «за личный вклад в охрану природы». В чем же Ваш личный вклад?**

– Я три срока возглавлял комитет по экологии и охране окружающей среды в Общественной палате области, два года – такой же комитет Общественной палаты города. У меня своя общественная органи-

зация «ЭкоДон», которая занимается экологическим образованием. Я в совете Общества охраны природы, в совете «Российского Зеленого креста» Москвы. Еще я заместитель редактора журнала «Экология ЧЦО РФ» в Липецке. Еще вхожу в три совета по защите диссертаций по экологии. Написал штук десять учебных пособий по экологии, последнее – «Словарь эколога», за него получил премию администрации области.

– **А мне кажется, что общественные советы по экологии и охране окружающей среды не очень-то влияют на нашу жизнь.**

– Влияют. Недавно в Торгово-промышленной палате прошло заседание Совета общественных организаций Воронежа, где я – председатель комиссии по экологии. Говорили о мусорных отходах на садовых участках. Это проблема. Садовых участков у нас много – в области они объединены примерно в 800 кооперативов. Где-то есть места сбора мусора, а кто-то бросает, куда придется. И следующее заседание будет об обобщении опыта, чтобы мусора стало меньше.

– **У нас в любую лесополосу зайти – увидишь горы мусора.**

– Да, это вопрос экологической культуры. Я и ею занимаюсь, написал ряд статей, часто выступаю и читаю лекции в школах, техникумах.

– **А разработка никелевых месторождений в Новохоперском районе Воронежской области разве не навредит природе?**

– Наша задача – изучить территории до того, как те месторождения начнут осваивать. Их изучают уже два года разные группы: по радиации, по почве, по растениям, по животным и так далее. И еще будут изучать не менее двух лет. А следующий этап – оценка воздействия, и только потом – проект. До добычи дойдет лет через десять. И не факт, что она будет, ведь неизвестно, насколько велики запасы месторождений.

– **Я посмотрела в астрологическом календаре: Вы родились в 1941 году – в год Змеи, в последний день знака Скорпиона – 21 ноября...**

– Вот мне подарили...

Профессор Негроров достал из кармана брелок: в прозрачной пластмассе свернулся маленький скорпион.

– **А Вы в себе ничего такого не чувствуете от Змеи или от Скорпиона?**

– Не чувствую. Может, только хвалюсь, когда то-то хорошее случается. Но не думаю, что это влияет Скорпион. Вы лучше летом на базу ВГУ в Веневитиново приезжайте, в природе покажем вам редкие виды животных.

Беседовала Елена Рузанова